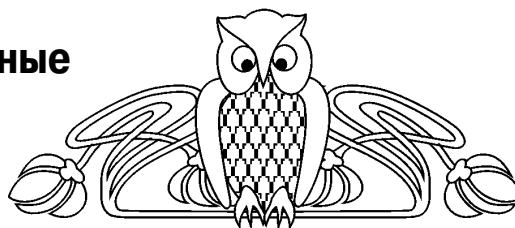

УДК 94 (470) «1914/1918»

Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны

А. А. Фортун

Фортун Алексей Андреевич, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, fortun2017@yandex.ru.

В статье на материалах Саратовской губернии рассматриваются проблемы, связанные с нехваткой рабочих рук в сельскохозяйственном секторе в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, согласно которому всеобщие мобилизации более всего затронули именно помещичьи хозяйства губернии. Одним из способов решения проблемы нехватки трудовых ресурсов стало широкое применение труда военнопленных и беженцев. Особое внимание уделяется работе Саратовского земства, в частности, анализируется опыт распределения ограниченного контингента военнопленных по отдельным хозяйствам губернии.

Ключевые слова: Саратовская губерния, земство, Первая мировая война, военнопленные, беженцы.

Saratov Zemstvo and Prisoners of War During World War I

A. A. Fortun

Aleksei A. Fortun, <https://orcid.org/0000-0001-6044-5587>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, fortun2017@yandex.ru

The given article considers problems related to the lack of working hands in agricultural sector of Saratov province during World War I. The author concludes that general mobilization most of all effected landlords' farms of the province. One of the ways to solve the problem of workforce shortage was the wide-spread use of prisoners of war and refugees. Specific emphasis in the article is directed at the activities of Saratov zemstvo, particularly, the experience of the distribution of the limited contingent of prisoners of war in individual households is analyzed.

Keywords: Saratov province, zemstvo (county council), World War I, prisoners of war, refugees.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-375-381>

Изучению института земских учреждений в годы Первой мировой войны посвящен значительный массив отечественной и зарубежной исторической литературы. Следует заметить, что анализ в этих работах строился, как правило, на всероссийском материале с привлечением источниковой базы центральных архивов. Вместе с тем в последние годы наблюдается устойчивая тенденция возрастающего интереса к региональной проблематике, что отразилось в ряде публикаций и диссертационных исследований по периоду 1914–1918 гг.¹ Однако деятельность земств Саратовской губернии в период Первой мировой войны осталась почти неизученной.

Нет ни одного, сколько-нибудь значимого труда, освещающего указанный сюжет. Поэтому заявленная тема представляется актуальной для исследования. Но охватить в рамках одной статьи весь спектр хозяйственных практик Саратовского земства в годы войны не представляется возможным. Целесообразно остановиться на наиболее важных и новых направлениях в работе органов земского самоуправления в условиях военного времени, в частности: всеобъемлющая помощь семьям фронтовиков и обеспечение трудовым ресурсом населения губернии за счет использования труда военнопленных и беженцев.

Для понимания всех коллизий и трудностей, с которыми пришлось столкнуться Саратовскому земству в военное время, следует охарактеризовать общую картину, сложившуюся в губернии в тот период времени. В начале XX в. Саратовская губерния с общей площадью 7,7 млн дес. и населением 3,2 млн чел. (1913) делилась на 10 уездов, располагавшихся в разных природных зонах. В северо-западных уездах преобладали черноземные земли, в юго-восточных – суглинистые и солончаковые². Отсюда большие различия в экономическом развитии этих районов. Урожайность в северо-западных уездах была в 2 раза выше, чем в юго-восточных. Эти районы различались и по соотношению помещичьего землевладения с крестьянским, и по развитию промыслов³.

В экономическом отношении хозяйственный облик Саратовской губернии в начале XX в. определяло земледелие с экстенсивным характером. Саратовский губернатор А. П. Энгельгардт писал по этому поводу следующее: «...Крестьяне Саратовской губернии занимаются исключительно почти земледелием, весь крестьянский бюджет, все крестьянское состояние зиждется на одном земледелии ...»⁴. Действительно, уровень распашки почвы в Саратовской губернии был очень высок – 52,2 %⁵. Преобладающей в структуре землепользования оставалась наделная земля. В отличие от губерний Европейской России, где в среднем на долю крестьян приходилась одна треть удобных земель, крестьяне Саратовской губернии имели в своем распоряжении – 49,2 % удобной земли⁶. По росту посевных площадей Саратовская губерния находилась на втором месте в регионе. За период 1897–1914 гг. посевные площади в губернии возросли на 25,6%⁷.

Начавшаяся Первая мировая война имела самые пагубные последствия для сельского хозяйства не только Саратовской, но и всех поволжских

губерний. Боевые действия начались в самый разгар уборки урожая. Сельскому населению пришлось преодолевать невероятные трудности. Мобилизация сопровождалась оттоком рабочих рук, не прекращавшимся на протяжении всей войны. Только летом 1914 г. в империи было призвано 3,9 млн чел., а до конца года еще 1,2 млн. Всего за годы войны армия поглотила 14,9 млн чел.⁸ По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., Саратовская губерния поставила на фронт 305 360 чел.⁹, что составило 47,3 % всего трудоспособного мужского населения сельских местностей¹⁰. В итоге многие хозяйства остались без мужчин. Однако, несмотря на то, что мобилизация началась в самый разгар полевых работ, остро сказаться на их ходе она еще не могла, и урожай 1914 г. был убран. На первых порах в деревне имели некоторое значение взаимопомощь и содействие семьям призванных на войну со стороны органов земского самоуправления.

Земства Саратовской губернии оказывали помощь семьям призванных в действующую армию в уборке урожая и проведении других сельскохозяйственных работ. Для этого они выделяли специальные ассигнования. К примеру, Камышинское уездное земское собрание ассигновало 50 тыс. руб. на семена и на уборку хлеба для семей военнослужащих¹¹. В то же время Вольское уездное земское собрание в начале 1915 г., кроме ссуды в 17 000 руб. на посев яровых хлебов, распорядилось отпустить в пользование крестьян 108 рядовых сеялок и 120 железных плугов для обработки полей. К тому же управа дополнительно выделила необходимые средства и пригласила 12 учеников из Вольского сельскохозяйственного училища в помощь крестьянам для работы с рядовыми сеялками¹².

Положение усугубляется в 1915 г. В результате очередной мобилизации проблема нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве становится первоочередной. Подтверждением тому может

служить следующий факт. В 1915 г. в Саратовской губернии сложилась парадоксальная ситуация. Урожай хлебов в губернии был более чем удовлетворительный, по сравнению с предыдущим годом (табл. 1). Однако подвоз хлеба к пристаням осуществлялся нерегулярно и медленно. Причиной тому была поздно начавшаяся из-за сильных дождей уборка, но главная заключалась в катастрофической нехватке рабочих рук.

По сведениям официальной статистики, к началу 1915 г. 30 % хозяйств Саратовской губернии остались без мужчин¹⁴. Как верно заметил А. М. Анфимов, изъятие половины лучших работников стало одной из наиболее важных причин, вызвавших глубокое расстройство сельского хозяйства. Затронув крестьян, это изъятие оказало серьезное влияние и на помещичье хозяйство, использовавшее наемный труд¹⁵. Действительно, ближайшим следствием массовых мобилизаций в Саратовской губернии стало прогрессирующее вздорожание цен на рабочие руки, особенно в период полевых работ.

Сведения, приведенные в табл. 2, свидетельствуют о том, что размер заработной платы сельскохозяйственных рабочих за 3 года войны увеличился практически в 3 раза. Как и в губерниях Европейской России, Сибири, в Саратовской губернии наблюдались колебания в оплате труда в зависимости от времени проведения тех или иных сельскохозяйственных работ и урожайности зерновых. Более того, заработанная плата зависела и от условий найма. Быстрее росла заработанная плата именно конных рабочих. В немалой степени тому способствовало и сокращение поголовья рабочего скота вследствие реквизиций волов и лошадей для нужд армии. Так, в крестьянских хозяйствах губернии только за 1914–1915 гг. количество рабочего скота сократилось всего на 8 %, однако именно мобилизация крестьянских лошадей повлекла за со-

Сбор ржи и пшеницы с 1 десятины в Саратовской губернии, пуды¹³

Таблица 1

Губернии	Рожь		Пшеница	
	1914 г.	1915 г.	1914 г.	1915 г.
Пензенская	32	хороший	–	–
Симбирская	48	86	48	58
Саратовская	29	59	24	34
Самарская	31	63	35	51

Таблица 2

Средние цены на рабочие руки в Саратовской губернии в 1913–1916 гг., коп.¹⁶

Годы	Апрель			Июль		
	мужчины	женщины	конные рабочие	мужчины	женщины	конные рабочие
1913	53	29	118	113	74	220
1914	70	34	146	92	56	213
1915	90	44	200	154	85	298
1916	143	64	386	300	175	487

бой стремительное сокращение рабочего скота в частновладельческих хозяйствах, доля которого сократилась на 24,7 %¹⁷. Объясняется это, прежде всего, тем, что крестьянский скот, как правило, служил недорогим резервом тягловой силы.

В свою очередь уменьшение количества рабочих рук в крестьянском хозяйстве, сокращение поголовья рабочего скота и, как следствие, рост цен на рабочие руки неминуемо приводили к сокращению посевных площадей. По сведениям земской статистики, в Саратовской губернии посевные площади яровых хлебов только к осени 1915 г. сократились на 38 тыс. дес., или почти на 20 %¹⁸. Особенно интенсивно сокращение посевных площадей происходило именно в помещичьих хозяйствах, использовавших наемный труд. Так, если в хозяйствах помещиков в 1914 г. под озимыми и яровыми хлебами было занято 288,5 тыс. дес., то уже в 1915 г. площадь этих основных культур сократилась до 264,3 тыс. дес., т. е. на 24,2 тыс. дес., или 8,3 %¹⁹. Если же говорить о крестьянском хозяйстве в целом, то при наличии значительного аграрного перенаселения, имевшего место до войны, отлив рабочей силы из деревни, видимо, не повлек за собой резкого сокращения производства. По сведениям земской статистики за то же время крестьянские посевы в Саратовской губернии сократились незначительно, всего на 3–5 %²⁰. Недостаток рабочей силы в крестьянских хозяйствах компенсировался отчасти за счет внутренних трудовых резервов. В. Т. Китанина совершенно справедливо к числу таковых относил сокращение масштабов отходничества, а также усилившегося применения женского труда в сельском хозяйстве²¹. Однако этого было явно недостаточно.

В создавшихся условиях недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве в известной мере мог быть восполнен трудом военнопленных и беженцев. По подсчетам А. Л. Сидорова, в Российской империи к 1 сентября 1915 г. насчитывалось 553,2 тыс. военнопленных, в том числе в распоряжении Министерства земледелия 326,5 тыс. чел., или 59 % всего их состава²². Правовой статус военнопленных на территории Российской империи определялся «Положением о военнопленных», утвержденным императором в октябре 1914 г. Как верно отмечает И. Б. Белова, положение представляло собой перевод Гаагских конвенций 1907 и 1911 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны», включавшей как права и обязанности военнопленных, так и правила их содержания, трудового устройства и перевозки²³. Размещение военнопленных в течение 1914–1915 гг. шло в основном в азиатской части империи. Однако в конце 1915 г. в связи с необходимостью использования военнопленных на сельскохозяйственных работах наблюдалось их перемещение в европейскую часть страны.

«Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» вступили в дей-

ствии 28 февраля 1915 г. Согласно этим «Правилам» сельскохозяйственное производство обслуживалось трудом военнопленных из расчета от 10 тыс. чел. на губернию. Партии военнопленных, насчитывавшие не менее 10 чел., отпускались на трехмесячный срок и более длительное время в распоряжение губернских или уездных земских управ, которым вменялось в обязанность определять условия труда военнопленных, норму выработки, довольствия, размер оплаты, охрану военнопленных и др.²⁴

Вопрос о привлечении военнопленных к сельскохозяйственным работам в пределах Саратовской губернии специально обсуждался в ходе 49-го чрезвычайного заседания Саратовского губернского земского собрания, состоявшегося в феврале 1915 г., на котором выявились некоторые противоречия относительно отдельных пунктов «Правил...». Так, например, особо жаркие прения между гласными разгорелись в ходе обсуждения вопроса о разграничении полномочий между губернским и уездными земствами относительно надзора и организации труда военнопленных в губернии. В частности, граф Д. А. Олсуфьев в категоричной форме настаивал на том, чтобы все функции распределения военнопленных на работы были сосредоточены исключительно в руках губернской управы, а уездным земствам отводилась роль посредников между населением и управой. Мотивировал он это следующим образом: «...Иначе разные управы дадут различные условия; в одном уезде отношение к пленным будет гуманное, в другом земство может отдать их в кабалу, установят каторжный режим»²⁵. Совсем по-другому предлагал решить данную проблему председатель губернской земской управы К. Н. Grimm. Он отмечал, что уездные управы справятся с этим делом куда лучше, поскольку «...стоят ближе к жизни в уезде и знают, каков режим в той или иной экономии»²⁶. Более того, продолжал К. Н. Grimm, нельзя установить для всей губернии и единые нормы заработной платы, так как в каждом уезде существуют свои цены на труд. В итоге собрание постановило одобрить пункты правил, поддержав при этом основные положения, высказанные председателем управы К. Н. Grimmом.

С начала 1915 г. в Военное министерство стали поступать многочисленные запросы о возможности отпуска военнопленных на сельскохозяйственные работы. Согласно установленному порядку заявки от владельцев, поступавшие в уездные и губернскую земские управы, рассматривал губернатор и направлял их в Главное управление Генерального штаба. К концу 1915 г. в «Правила...» в связи с увеличением запросов на военнопленных был внесен ряд изменений, а именно упрощалась сама процедура подачи заявки. Теперь уездные земства получили возможность напрямую обращаться в штаб Казанского военного округа, лишь уведомляя об этом губернатора и Губернскую управу.

Как свидетельствуют архивные материалы, первоначально заявления об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы поступали исключительно от крупных землевладельцев губернии, более других нуждавшихся в рабочих руках. Так, 28 марта 1915 г. саратовский губернатор А. А. Ширинский-Шихматов ходатайствовал перед Главным управлением генерального штаба об отпуске 8184 военнопленных для их распределения в следующем количестве по уездам: Аткарскому – 1278 чел., Балашовскому – 1406 чел., Вольскому – 456 чел., Камышинскому – 500 чел., Кузнецкому – 472 чел., Петровскому – 1500 чел., Саратовскому – 300 чел., Сердобскому – 1716 чел., Хвалынскому – 270 чел.²⁷ Большая часть военнопленных из этой партии была распределена между хозяевами крупных имений. Подтверждением тому служит и сообщение Хвалынской уездной земской управы от 15 апреля 1915 г., поданной на имя председателя губернской управы К. Н. Грима. Согласно этой отчетной записке прибывшие в уезд военнопленные в количестве 270 чел. были распределены для сельскохозяйственных работ следующим образом: в имение графа О. Л. Медем – 100 чел., в имение графа И. И. Воронцова-Дашкова – 25 чел., в имение Г. Г. Евреинова – 10 чел., на хутор М. В. Тушкина – 5 чел., хутор П. М. Короткова – 6 чел. и хутор З. К. Пудовичкина – 5 чел. Остальные военнопленные из этой партии в коли-

честве 58 чел. были оставлены для земских работ и 60 чел. были сданы в распоряжение Хвалынского уездного начальника с формулировкой «...как излишне оставшиеся»²⁸.

Крестьяне проявили интерес к труду военнопленных не сразу, однако когда весенняя мобилизация 1915 г. «поглотила» очередную долю мужского населения, как отмечал корреспондент Балашовской земской газеты, «...прошения об отпуске военнопленных в крестьянские хозяйства посыпались сотнями»²⁹.

Распределением ограниченного контингента военнопленных на сельскохозяйственные работы в Саратовской губернии занимались уездные управы. Если соотнести количество военнопленных и беженцев с размерами частновладельческих хозяйств, то несомненное преимущество в использовании принудительного труда принадлежало крупным помещичьим латифундиям. Что касается крестьянского сектора, то здесь труд военнопленных играл ничтожную роль, обслуживая в основном нужды кулацких хозяйств в южных уездах губернии, в частности Камышинского и Царицынского. Сравнительная обеспеченность помещичьих и крестьянских хозяйств собственной и наемной рабочей силой убедительно вырисовывается из сопоставления сведений, приведенных А. Н. Хрящевым по Саратовской губернии за 1917 г. (табл. 3).

Таблица 3

Сведения о распределении военнопленных и беженцев в Саратовской губернии в 1917 году, чел.³⁰

Район	У крестьян		У частных владельцев	
	из 1000 работников, занятых в земледелии, своих и наемных приходится		из 1000 рабочих и служащих приходится	
	военнопленные	беженцы	военнопленные	беженцы
Саратовская губерния	11	4	155	60

В то же время, следуя вышеуказанным «Правилам ...», уездные управы были вынуждены часто отказывать крестьянам в предоставлении военнопленных в силу объективных на то причин. Во-первых, потому что их не хватало. Так, например, в Балашовском уезде в апреле 1915 г. на сельскохозяйственных работах находились 4300 военнопленных, а требовалось еще 4850 чел. Между тем к этому времени весь свободный запас трудоспособных пленных был исчерпан и, несмотря на многочисленные телеграфные ходатайства в губернское земство, губернатору и штаб Казанского военного округа получить желаемое количество пленных не удалось³¹. В итоге в адрес уездных управ поступали нарекания со стороны крестьянского населения. Более того, очень скоро крестьяне перешли от слов к делу. В ряде уездов в 1915 г. были зафиксированы случаи, когда крестьяне самовольно уводили военнопленных от уполномоченных и только потом объявляли о них. При раздаче партии военнопленных в Камышинском уезде одному помещику предназначалось отпустить

100 чел., однако крестьяне еще ночью самовольно разобрали пленных, оставив помещику лишь 40 чел.³² Во-вторых, требуя по одному–два человека, крестьяне не могли гарантировать охрану военнопленных, из-за чего в губернии участились случаи побегов. В-третьих, не менее веской причиной для отказа служило и то, что крестьяне часто были не в состоянии содержать пленного.

Действительно, согласно установленным «Правилам...» размер заработанной платы в большинстве уездов Саратовской губернии был фиксированным и составлял 6 руб. в месяц. При этом 3 руб. отчислялось на личный счет военнопленного, остальная сумма расходовалась на покрытие затрат, связанных с его содержанием. Однако ввиду того, что большая часть военнопленных прибывали в губернию в достаточно плачевном состоянии, имея при себе только одну пару белья, это ложилось тяжелым бременем на земские финансы. В связи с этим дабы уменьшить давление на земский бюджет, уездные управы полностью переложили содержание военнопленных на население. Так, Аткарская

уездная земская управа 20 августа 1915 г. распорядилась, чтобы работодатели платили в управу за каждого военнопленного, находящегося на сельскохозяйственных работах, не по 3 руб., а по 1 руб. в месяц. За недополучаемую сумму в размере 2 руб. работодатели обязывались снабжать военнопленных одеждой, бельем и обувью³³. В итоге, если большая часть землевладельцев выполняли это распоряжение, то, что касается кре-

стьян, особенно солдаток, учитывая дороговизну одежды и обуви, сделать этого они были не в состоянии.

Сколько всего находилось военнопленных на сельскохозяйственных работах в Саратовской губернии? Ответить на этот вопрос достаточно сложно ввиду того, что в течение года число военнопленных постоянно варьировалось, возрастая в посевную и уборочную и убывая зимой (табл. 4).

Таблица 4
Сведения о военнопленных, находившихся на сельскохозяйственных работах в Саратовской губернии по уездам в 1915–1916 гг.³⁴

Уезды	Апрель 1915 г.	Октябрь 1916 г.	Декабрь 1916 г.
Аткарский	1228	4116	3900
Балашовский	966	6540	6943
Вольский	456	1476	1272
Камышинский	500	4297	3290
Кузнецкий	472	1326	1327
Саратовский	600	2118	1504
Сердобский	1716	3114	2603
Петровский	1500	2722	1905
Хвалынский	270	1733	1566
Царицынский	61	821	582
Всего	7769	28263	24892

Данные, приведенные в табл. 4, свидетельствуют о том, что с апреля 1915 г. по октябрь 1916 г. доля военнопленных, занятых в сельском хозяйстве Саратовской губернии, увеличилась практически в 3 раза, что было связано с потребностями отдельных хозяйств Саратовской губернии. Тому способствовали и события на театре военных действий, давшие необходимое количество пленных. Вместе с тем с октября по декабрь 1916 г. наблюдается стремительное сокращение количества военнопленных как по губернии в целом, так и по отдельным уездам в частности. Связано это было, прежде всего, с распоряжением министра земледелия от 22 сентября 1916 г. «О снятии 30 % военнопленных с сельскохозяйственных работ в крестьянских хозяйствах для участия их в производстве на горнопромышленных предприятиях», по причине снижения темпов промышленного производства³⁵.

В этих условиях 7 октября 1916 г. состоялось специальное совещание председателей земских управ при участии Саратовского губернатора С. Д. Тверского. После недолгого обмена мнениями участники совещания единогласно признали, что претворение в жизнь этого указа грозит полной дестабилизацией в сельскохозяйственном производстве Саратовской губернии. В частности, в протоколе совещания подчеркивалось: «...Снятие военнопленных с крестьянских хозяйств выразится в уменьшении в губернии рабочей силы пленных не на 30 %, а на 60 %; притом же снятие военнопленных только с од-

них крестьянских хозяйств выразит неминуемое раздражение последних частными владельцами»³⁶. Итогом работы совещания стало составление ходатайства на имя министров военного, внутренних дел и земледелия об отсрочке снятия военнопленных с сельскохозяйственных работ в Саратовской губернии³⁷.

К большому разочарованию саратовских земцев отправленное ходатайство успеха не имело. 12 октября 1916 г. из телеграммы начальника Главного управления Генерального штаба Саратовскому губернатору стало известно, что «...означенное снятие с работ военнопленных производится согласно постановлению Совета министров, коим признано ныне необходимым, придти на помощь государственной обороне, ввиду чего отменить означенное распоряжение не представляется возможным»³⁸.

Однако, несмотря на указание губернатора исполнить требования имперской администрации, многие уездные земства, сообразуясь с реальными потребностями населения, стали откровенно саботировать их. Так, председатель Сердобской уездной земской управы И. С. Богданов 15 октября 1916 г. телеграфировал в Губернскую управу следующее: «...Ввиду установившейся хорошей погоды началась усиленная уборка хлебов; снятие пленных в данное время, по мнению управы, не представляется возможным, более того это грозит большими бедствиями для уезда»³⁹. Саратовской уездной земской управе удалось с большим трудом снять 118 военнопленных с крестьянских

хозяйств, что составило от общего количества находившихся в уезде военнопленных всего 5 %⁴⁰. Не имело особого результата и предложение губернатора, применять силы полиции при снятии военнопленных.

В итоге, по многочисленным просьбам уездных земств, в конце декабря 1916 г. действие указа о снятии военнопленных с сельскохозяйственных работ было приостановлено. Однако снятые с крестьянских хозяйств военнопленные возвращены обратно не были. В то же время военное ведомство прекратило отпускать военнопленных на сельскохозяйственные работы, поэтому землевладельцы стали более заинтересованы в использовании дешевого труда беженцев.

В конце 1916 г. в Саратовской губернии было размещено до 142 064 беженцев⁴¹. Инициатором привлечения беженцев к полевым работам выступила, по-видимому, Балашовская уездная земская управа. Именно в этом уезде недостаток рабочих рук был особенно ошутим. К 1915 г. на территории Балашовского уезда находились 13 600 беженцев, работоспособных из которых насчитывалось 6000 чел.⁴² На первых порах беженцы уклонялись от работ. Однако при бюджетном дефиците найти деньги на их обеспечение становилось все труднее. Весной 1916 г. денежный паек беженцев был урезан с 12 до 6 руб. в месяц на человека. Трудоспособные лица должны были теперь обеспечить себя личным трудом. Земцы Саратовской губернии выпустили специальное «Воззвание к беженцам Саратовской и Астраханской губерний», целью которого было показать всю преступность уклонения от работ, предлагаемых земствами⁴³. Однако это мера не принесла желаемых результатов, беженцы по-прежнему проявляли пассивность к сельскохозяйственным работам.

Тогда большинство уездных управ высказались за введение жестких мер, а именно принуждение всех трудоспособных беженцев к работам путем лишения их пайка. В итоге к 1 июля 1916 г. на сельскохозяйственных работах по всей губернии трудились до 36364 чел. беженцев обоего пола⁴⁴. С точки зрения экономической эффективности труд беженцев был малопродуктивным. Свидетельствуют об этом многочисленные отзывы местного населения. Так, председатель Царицынской уездной земской управы в своем

отчете за 1916 г. отмечал, что «...труд беженцев нельзя признать удовлетворительным и лишь нужда в рабочих руках заставляет население брать на работы последних»⁴⁵. Главной причиной, по которой беженцы неохотно шли на работы, было желание получать заработанную плату наравне со всеми. Действительно заработная плата беженцев колебалась от 20 коп. до 1 руб. в день, что было ниже на 25 % платы наемных рабочих и военнопленных⁴⁶. Поэтому большинство беженцев предпочитали отлынивать от тяжелого сельскохозяйственного труда. На 1 июля 1916 г. в Саратовской губернии таких было зарегистрировано 1839 чел. обоего пола⁴⁷. Как следствие, попытка земства восполнить недостаток рабочих рук в губернии путем привлечения к сельскохозяйственным работам военнопленных и беженцев окончилась фактически безрезультатно. Подтверждается это, прежде всего, очередным сокращением посевных площадей (табл. 5).

Таким образом, необходимо констатировать следующее. Начавшаяся Первая мировая война, сопровождавшаяся массовыми мобилизациями, обострила проблему нехватки рабочих рук на селе. Крестьянские хозяйства, середняцкие и зажиточные, как показал анализ многочисленных статистических материалов, в течение 1914–1916 гг. не испытывали серьезных затруднений с недостатком рабочей силы. Видимо, в Саратовской губернии, как и в других регионах империи, положительную роль в этом сыграло аграрное перенаселение. Более всего мобилизация затронула именно помещичьи хозяйства, целиком базировавшиеся на применении наемного труда. С фатальной неизбежностью возникла необходимость обеспечить трудовыми элементами основных производителей товарного хлеба в стране, за счет использования труда военнопленных и беженцев. Ведущую роль в решении этой ключевой проблемы возложили на органы земского самоуправления, но ввиду того, что земства изначально были поставлены в жесткие рамки «Правил...», разработанных государством, они фактически превращались в посредников между населением, военным ведомством и Министерством земледелия. Следовательно, удовлетворить многочисленные запросы, поступавшие в уездные управы со стороны беднейших слоев деревни, они были не в состоянии. Но не потому, что их политика,

Таблица 5
Сокращение посевных площадей в Саратовской губернии в 1914–1916 гг., тыс. дес.⁴⁸

Зерновые культуры	1914 г.	1915 г.	1916 г.
Рожь	963	998	865
Пшеница	1064	1075	834
Овес	353	327	300
Прочие культуры	607	549	490
Всего	2,937	2,949	2,400

по мнению советской историографии, «... но-сила ярко выраженный классовый характер», а в силу особенностей составленных «Правил...». Однако, несмотря на то, что большая часть военнопленных и беженцев направлялись в хозяйства частных владельцев, решить проблему нехватки рабочих рук земством не удалось, что выразилось в массовом сокращении посевных площадей и, как следствие, нарастании кризисных явлений в сельскохозяйственном секторе губернии.

Примечания

- 1 См.: Рыбков А. Г., Фетисов П. Л. Деятельность Пензенского земства в годы Первой мировой войны // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1. С. 124–127.
- 2 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 3395. Л. 9–10.
- 3 См.: Морозова Е. Н. Саратовское земство. 1866–1890 / под ред. Н. М. Пирумовой. Саратов, 1991. С. 11.
- 4 Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. Т. 37 : Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 30.
- 5 См.: Ульянов А. Е. Структура крестьянских посевов в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века // Вектор науки ТГУ. 2010. № 3 (13). С. 124.
- 6 См.: Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). Саратов, 1982. С. 34.
- 7 Там же. С. 35.
- 8 См.: Земское самоуправление в России, 1864–1918 гг. : в 2 кн. / под ред. Н. Г. Королева. М., 2005. Кн. 2. С. 267–268.
- 9 См.: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. М., 1923. С. 105–106.
- 10 См.: Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Париж, 1939. С. 86.
- 11 См.: Сельскохозяйственный листок Камышинского уездного земства 1914. № 8. Л. 11.
- 12 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 23. Л. 16–17.
- 13 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 15 февр. 1916. № 4. С. 43–44.
- 14 См.: Кабытов П. С. Указ. соч. С. 132.
- 15 См.: Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 92.
- 16 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 439. Л. 71–72.
- 17 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 23. 1 дек. Л. 5–6.
- 18 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 439. Л. 70–70 об.
- 19 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 1. 1 янв. Л. 8.
- 20 Там же.
- 21 См.: Китанина В. Т. Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 гг.). Л., 1985. С. 49–50.
- 22 См.: Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 451.
- 23 См.: Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция 1914 – февраль 1917 г. / под ред. Г. А. Бордюгова. М., 2011. С. 120.
- 24 См.: ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 54–55.
- 25 Журнал 49 очередного Саратовского губернского земского собрания, сессии 1914 г. Саратов, 1915. С. 48.
- 26 Там же. С. 48–49.
- 27 См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3674. Л. 30–30 об.
- 28 Там же. Л. 106.
- 29 Сельскохозяйственный листок Балашовского уездного земства. 1915. № 8. 17 июля. Л. 8.
- 30 См.: Хрящева А. Н. Крестьянство в войне и революции (статистико-экономические очерки). М., 1921. С. 25–26.
- 31 См.: Сельскохозяйственный листок Балашовского уездного земства. 1915. 17 июля.
- 32 Там же. Л. 9.
- 33 См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3674. Л. 543.
- 34 См.: ГАСО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 10063. Л. 538, 556. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3674. Л. 30–31.
- 35 См.: ГАСО, Ф. 5. Оп. 1. Д. 10063. Л. 578.
- 36 Там же. Л. 588–588 об.
- 37 См.: Там же. Л. 589.
- 38 Там же. Л. 596.
- 39 Там же. Л. 613.
- 40 Там же. Л. 669.
- 41 См.: Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны : учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья» Саратов, 2007. С. 40.
- 42 См.: Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. 1 янв.
- 43 См.: Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 45.
- 44 ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11654. Л. 248.
- 45 Там же. Л. 133.
- 46 Там же. Л. 190.
- 47 Там же. Л. 249.
- 48 См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 439. Л. 70–71.

Образец для цитирования:

Фортун А. А. Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 375–381. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-375-381>

Cite this article as:

Fortun A. A. Saratov Zemstvo and Prisoners of War During World War I. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 375–381 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-375-381>